

Будучи опытным лекарем, из года в год принимавшим больных в аптеке, старец Е повидал немало травы-светильника. Однако ему впервые довелось встретить столь бережно, прямо-таки безупречно сохраненные листья этого капризного растения.

— Срезать листья, не трогая корень, чтобы усыпить яд, а затем сушить день за днем под палящим солнцем, выгоняя влагу до единой капли... Только так трава-светильник раскрывает свою силу в полную мощь.

Старец Е восхищенно погладил пышную седую бороду и устремил на Фан Чжуншаня проницательный, цепкий взор:

— Из чьих будешь, ханьцзы? Из какой семьи в деревне Речного Отдыха?

— Из семьи Фан, — почтительно отозвался тот. — Зовут меня Фан Чжуншань.

Хоть лекарь и жил в городе Процветающего Ян, слухи из окрестных деревень долетали до него через заезжих травников. Имя Фан Чжуншаня было ему смутно знакомо.

Младший ханьцзы в роду Фан, любимчик старой госпожи Фан, избалованный до крайности, своенравный и буйный — в родных краях его единодушно считали первой грозой округи. А уж недавняя история, когда он полез распускать руки к одной девице и получил от ее брата такой пинок, что кубарем полетел в реку, до сих пор оставалась излюбленной темой для зубоскальства среди горожан.

— Помнится, твой дядя приходил к нам за снадобьями, — с усмешкой припомнил старец. — Говорил, знатно ты захворал после того купания.

Чжуншань уловил в голосе лекаря добродушную насмешку. Зла старик не держал, но на душе у молодого человека все равно заскребли кошки.

«Что ж, бывшие грешки прилипли намертво. Похоже, славу бабника и задиры мне еще долго не отмыть».

Безропотно приняв на себя грехи прежнего хозяина тела, Чжуншань невозмутимо улыбнулся:

— Да, повезло мне. Мало того что из лап самого Янь-вана вырвался, так еще и встретил свое счастье — обзавелся милым супругом.

Только теперь старец Е обратил внимание на юношу, тихонько стоявшего подле Чжуншаня. Тоненький, хрупкий шуаньэр не отличался броской красотой, но в его нежных, чистых чертах сквозило робкое очарование.

Должно быть, это и был тот самый крошка-супруг, которого сосватали в дом Фан ради избавления от смертного недуга, о чем еще недавно судачили на каждом углу.

Заметив, каким теплом озарился взгляд Чжуншаня, когда тот посмотрел на своего юного спутника, старец Е смекнул: парень души не чает в своем суженом, пусть даже брак их и был заключен лишь ради спасения от болезни.

Впрочем, чужие чувства лекаря не касались, да и досужие сплетни его мало занимали. Страхнув мимолетную задумчивость, он вновь переключил внимание на разложенные перед ним листья.

— Твоя трава-светильник отменного качества, да и высушена на диво умело. Пожалуй, я дам за нее вот столько, — старик прищурился.

Старец приподнял ладонь и растопырил пять пальцев. Цзян Жан, затаив дыхание ловивший каждое слово, мысленно кивнул: «Пять медных монет... Всё прямо как говорил старший брат Чжуншань».

Чжуншань, хоть и не до конца освоился с местными ценами, понимал: лекарь предлагает щедрую плату, изрядно превышающую обычную стоимость диких кореньев. Предложение полностью устраивало его.

Рассчитывая на долгое и выгодное сотрудничество, молодой человек не стал торговаться и легко согласился:

— Договорились. По рукам.

Стоявший поодаль юный подмастерье, уяснив, что сделка совершена, мигом переложил целебные листья в ящик, ополоснул корзину и с поклоном вернул ее Чжуншаню.

— Господин Фан, почтенный счетовод уже щелкает костяшками на счетах. Обождите немного, сейчас вынесут плату, — учтиво пролепетал малец.

С этими словами он проворно налил гостям по пиале душистого чая.

До полудня оставалось совсем немного, посетителей в аптеке поубавилось, и выкроивший свободную минуту старец Е решил расспросить смышленного юношу поподробнее.

— К нам частенько заглядывают деревенские травники, — неторопливо заговорил лекарь, пригубив чай. — Кому-то из них тоже улыбалась удача отыскать траву-светильник. Да только по незнанию они выдирали ее с корнем, губя драгоценные соки и лишая растение всякой силы. Посуди сам: ты ведь не из потомственных собирателей, откуда же тебе ведомо, что срезать нужно лишь листья?

Чжуншань предвидел подобные вопросы еще тогда, когда решил вернуться к ремеслу травника.

Род Фан испокон веков состоял из простых пахарей, гнувших спину на полях. Лишь давным-давно над их семейным склепом взойшла счастливая звезда, подарив семье одного-единственного книжника, выбившегося в чиновники. С тех пор никто в их роду грамоте особо обучен не был.

Откуда у обычного деревенского парня познания, коими не владеют даже бывалые заготовители? Любому это показалось бы подозрительным.

Выслушав вкрадчивый вопрос лекаря, Чжуншань даже бровью не повел. История на этот случай у него давно была наготове. Он заговорщически усмехнулся:

— Эх, старец Е, всему виной моя счастливая звезда. Как-то раз, катаясь на лодке с приятелями, я повстречал чудного старика. Мы с ним крепко поспорили за чаркой вина, и он проиграл мне пари. Денег при нем не оказалось, вот он и отдал долг рассказами о всяких диковинках. Среди прочего поведал он и о траве-светильнике. Сказал, что стебель у нее прямой, будто тростинка, а листья круглые и зеленые, словно кувшинки. Мол, травка эта бесценна, и коли сберечь ее правильно, она способна вернуть человека с того света. Я тогда усомнился, а старик в сердцах набросал мне ее очертания на клочке бумаги и подробно расписал, как ее сушить. Я всё до единого слова и запомнил. А наемни отправился я на охоту к горе Одинокого Шамана да случайно набрел на эту поляну. Гляжу — точь-в-точь как на том рисунке!

Прежний Фан Чжуншань действительно слыл отпетым бездельником и кутилой, так что пьяный дебош на речной барже вполне укладывался в его привычный образ жизни.

Старцу Е и в голову не пришло сомневаться. Он лишь удивленно покачал головой:

— Надо же! Праздное любопытство, а обернулось богатой добычей!

Поразмыслив мгновение, старец продолжил:

— Слушай, нам в аптеку как раз надобны ученики. Будешь ходить за нашими лекарями, перенимать мастерство распознавания и сушки трав. Коли у тебя есть охота, я мог бы замолвить за тебя словечко.

Аптека Ветра и Облаков славилась на весь город своим размахом. Попасть сюда хотя бы простым подручным почитали за великое счастье даже опытные сборщики из бедных семей.

Старец Е созвал парня не из праздной прихоти — у него был свой расчет. Запомнить со слов случайного попутчика облик редкого растения да суметь высушить его без единого изъяна — для этого требовался недюжинный талант. Старик не желал упускать столь способного

самородка.

«Такая хватка дорогого стоит, — рассудил он про себя. — Нам в лавке подобные люди ой как нужны».

Для Чжуншаня это предложение стало настоящим спасением — лучшего прикрытия для его обширных познаний в медицине трудно было и пожелать. Едва сдерживая ликование, он с напускным сомнением поинтересовался:

— Учеником? А платить-то за труды будут?

От такой практичности лекарь даже растерялся:

— Двадцать медных монет в месяц — это, по-твоему, не плата?

— Очень даже плата! — поспешно закивал молодой человек.

Мало того что его обучат всем тонкостям лекарственного дела, так еще и приплачивать за это станут! Поистине, подарок судьбы.

«Идти? Конечно идти! Глупо упускать такую возможность».

Видя, как просиял парень, старец покачал головой, решив немного сбить с него спесь:

— Рано радуешься. Я лишь укажу тебе дорогу, а покажешь ли ты себя достойным — зависит только от твоего усердия. Наша Аптека Ветра и Облаков — лучшая в городе Процветающего Ян. За право попасть сюда в ученики иные юнцы готовы лбами расшибиться. Обычно набор мы объявляем в самую макушку лета, но нынче решили начать пораньше. Через несколько дней начнется отбор, — наставительно произнес старец. — Коли не побоишься испытаний, приходи. Слыхал я, будто набранных учеников отдадут под начало самому лекарю Цай Сюаню. Мужчина он крутого нрава, вздорный да придирчивый, но лекарь от богов! В распознавании кореньев и исцелении недугов ему равных нет. Сумеешь втереться к нему в доверие — считай, обеспечил себе безбедное будущее. К тому же у него обширные связи, все купцы и лавочники в городе перед ним шапку ломают. Переймешь его науку — глядишь, через пару лет скопишь денег, откроешь собственное дело в городе Процветающего Ян. Медные гроши — пыль. Куда важнее мастерство, которое останется с тобой на всю жизнь. Уж больно ты ловок да сметлив, жаль будет, коли зароешь талант в землю, вот я и надоумливаю тебя.

Слушая неспешную речь старика, Чжуншань невольно подивился тому, как ладно устроено лекарское дело в этих краях. Здесь существовала строгая преемственность, свои правила и негласные законы, коим подчинялись все заведения.

В своей прошлой жизни он собирал целебные травы скорее по наитию. У него не было

учителей, никто не растолковывал ему законы природы — приходилось довольствоваться обрывочными советами старших коллег. До тонкостей лекарственной науки он доходил сам, зачитывая до дыр потрепанный «Компендиум лекарственных веществ» да набивая шишки на собственных ошибках.

Мысль о настоящем ученичестве захватила его: «Коли повезет перенять опыт у столичного мастера, да приложить к этому мои прежние знания — я горы сверну».

Если поначалу работа в аптеке виделась ему лишь удобным прикрытием, то теперь он загорелся идеей войти в это дело по-настоящему.

— Премного благодарен вам за доброту и совет, — искренне поклонился Чжуншань. — Да только я в этом деле человек новый, вряд ли почтенный Цай Сюань сразу снизойдет до безвестного юноши. Сделайте милость, старец Е, замолвите за меня словечко перед отбором!

Старец Е добродушно отмахнулся:

— О том не беспокойся, нашепчу ему на ухо словечко-другое. Твое дело — явиться в назначенный срок и показать себя с лучшей стороны.

— Коли все сладится, с меня сытный обед в лучшем кабаке! — рассмеялся Чжуншань.

Лекарь шутливо нахмурился и замахал руками:

— Сдался мне твой обед! Будет у тебя желание отблагодарить старика — принеси лучше моим старым костям пару кувшинов доброго рисового вина. Большого мне и не надо.

«Надо же, знаток целебных трав, а выпить не дурак!» — с улыбкой подумал Чжуншань.

Они поболтали еще немного, пока к ним снова не подошел давешний ученик.

— Господин Фан, расчет окончен, — негромко доложил он. — Пожалуйста к кассе за платой.

Счетовод уже разложил на столе новенькие монеты. Увидев приближающихся Чжуншаня и Цзян Жана, он расплылся в вежливой улыбке и протянул небольшой холщовый мешочек.

— Здесь вся сумма, господин Фан. Соболаговолите пересчитать.

Чжуншань небрежно взвесил мешочек на ладони и, не раскрывая, переложил его в руки Цзян Жана.

Приняв тяжелую ношу, юноша из любопытства заглянул внутрь. На самом дне, поблескивая матовым боком, лежали пять крупных серебряных слитков. Цзян Жан так и замер с открытым ртом.

Какие еще медные монеты?! Ему не померещилось? Настоящее, чистое серебро! Пять целых лянов!

От потрясения у бедного шуаньэра перехватило дыхание, а губы задрожали:

— С-старший брат Чжуншань... Т-тут... пять... пять лянов серебра? Они не ошиблись? Точно не перепутали?!

Вот оно что! Оказывается, растопыренная пятерня старца Е означала вовсе не жалкую медь, а полновесное серебро!

Нежданное богатство вскружило юноше голову. Он прижал заветный мешочек к груди, все еще не веря собственному счастью и боясь проснуться.

<http://bllate.org/book/19394/1961086>